

ТРАДИЦИОННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ДАГЕСТАНА, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ

Мусаева М.К.

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия (367030, Махачкала, ул. Ярагского, 75), e-mail: majsarat@yandex.ru

В статье на основе полевых этнографических материалов и литературных источников, представлены традиционные обрядовые практики детского цикла горских евреев Дагестана: магические действия и ритуалы, различные запреты, представления и суеверия, связанные с рождением и первыми неделями жизни ребенка. Несмотря на то, что еврейская культура в целом гораздо больше, чем культура других народов была связана с религиозной традицией, и обнаруживает устойчивую межпоколенную трансмиссию этой культуры на протяжении многих веков в культуре еврейских общин весьма удаленных друг от друга стран и регионов, отмечается факт различных заимствований из культурных традиций народов Южного Дагестана, окружавших горских евреев. Это создало обрядовые практики, несколько отличавшиеся от классических еврейских установок.

Ключевые слова: Дагестан, горские евреи, родильный цикл, религиозные традиции, обрядовые практики, этнография детства.

TRADITIONAL MAGICAL IDEAS AND RITUAL PRACTICES OF MOUNTAIN JEWS OF DAGESTAN CONNECTED WITH THE BIRTH OF CHILDREN

Musaeva M.K.

The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia (367030, Makhachkala, Yaragsky str., 75), e-mail: majsarat@yandex.ru

In the article, based on ethnographic field materials and literature sources, there are presented the traditional ritual practices of Dagestan Mountain Jews child cycle: magical spells and rituals, various prohibitions, views and superstitions associated with the birth and the first weeks of a child life. Despite the fact that the Jewish culture is in whole has been associated with religious tradition a lot more than the cultures of other nations, and shows a stable intergenerational transmission of this culture for many centuries in the culture of Jewish communities, quite remote from each other countries, the fact of a variety of borrowings from cultural traditions of the peoples of Southern Dagestan surrounding mountain Jews is demonstrated. This has created a ritual practice somewhat different from classic Jewish laws.

Keywords: Dagestan, mountain Jews, childbirth circle, religious tradition, a complex of rituals and customs, childhood ethnography.

В традиционном мировоззрении горских евреев Дагестана, как и у других народов земного шара, наиболее сакрализованы были три события из жизненного цикла: вступление в брак, рождение детей и смерть. Все эти события в семье и обществе сопровождались различными магическими представлениями и обрядовыми практиками. Несмотря на то что еврейская культура в целом гораздо больше, чем культура других народов, была связана с религиозной традицией, она приобрела особое значение для евреев, живущих в условиях дисперсного проживания среди разных народов. Сохранить и передать в целостности ценности, доставшиеся в наследство от старшего поколения – вот задача, которую должны были евреи решать день ото дня. Делать это в одиночку было невозможно, поэтому значительна и универсальна была роль религиозной общины, которая обеспечивала единство

отдельных еврейских семей. И воспитание, и сам образ жизни всецело находились под неусыпным оком религии.

Обычаи, нормы повседневной жизни в очень значительной степени регламентировались предписаниями Библии и Талмуда, а также совокупностью правовых и религиозных норм в иудаизме – Галаха и сводом постановлений, касающимся религиозной практики, гражданского и семейного права – Шульхан Арух (на иврите «накрытый стол»), что объясняет как наличие множества единообразных черт в культуре еврейских общин весьма удаленных друг от друга стран, так и преемственность самой этой культуры на протяжении многих веков, – нельзя исключать факта различных заимствований из культур окружающих евреев народов. Возможно, поэтому в Дагестане мы наблюдаем, что родильный цикл – комплекс регламентированных традицией обрядовых практик и обычаев, призванных обеспечить ритуальное оформление важного биосоциального этапа жизни – рождение, у горских евреев был опутан суевериями, магическими представлениями и действиями, несколько отличавшимися от классических еврейских установок [10], т.е. скрупулезное следование религиозной традиции сочеталось с соблюдением обычаев, восходящих к глубокой древности или заимствованных у соседних народов.

Каждый человек на протяжении жизни проходит своеобразные критические рубежи, которые могут резко выделяться на общем фоне привычного бытия, и этим привлекать пристальное внимание. Чтобы обеспечить контроль над развитием этих «чрезвычайных» событий в жизни, к каковым с полной уверенностью можно отнести беременность и роды, были выработаны многообразные системы символических средств, в первую очередь магические действия и обрядовые практики, их оформлявшие.

Целью магических действий было уберечь будущую мать и ребенка от влияния злых сил и обеспечить благополучные роды и дальнейшее развитие ребенка. Все эти магические предосторожности отражали дошедшие до наших дней древние представления об особой активности негативных сил в переломные моменты жизни, каковым в нашем случае являлось рождение нового человека. Кроме того, неуверенность в благополучном исходе родов, постоянная угроза смерти, нездоровье матери и новорожденного вызывали в сознании людей обостренное чувство зависимости от вредоносных сил, воздействию которых особенно активно, как полагали, подвергались роженицы. Как считают исследователи: «Для человека, не защищенного ни от болезней, ни от природных явлений, магия своими приемами создавала иллюзию защищенности» [3, с. 73]. Возможно, именно этим обусловлено то, что родильный комплекс, окружен в большей степени магическими суевериями, нежели обрядовыми практиками.

Обряды и обычаи дородового цикла охватывали период от переезда невесты в дом будущего мужа и весь период беременности, но заботу о будущем потомстве горские евреи Дагестана начинали уже с момента вступления девушки в брак, а иногда даже с момента сватовства. Согласно талмудическим установлениям, брак освящался и оправдывался только рождением детей. По народному поверью, первый вопрос, который задают на том свете предстоящему перед Верховным судилищем: «Занимался ли ты продолжением рода?». Брак и продление рода считались настолько важными, что мужчине, чтобы жениться разрешалось даже продать свиток Торы, а женщине предписывалось лучше терпеть несчастливый брак, чем оставаться незамужней и бездетной [37, с. 15-16]. Бездетность считалась страшным несчастьем и даже позором, особенно для женщины. По представлениям горских евреев Дагестана, дети, особенно мужского пола укрепляли положение молодой женщины не только в семье, но и в обществе в целом. Женщина, рожавшая только девочек, также чувствовала себя виноватой в глазах мужа и его родственников, ее положение было не намного лучше бездетной. Зачастую этим обстоятельством оправдывалось желание мужа развестись или взять вторую жену. Терпя попреки мужа («*шугьвер*») и свекрови («*зехуьсуьр*»), иногда насмешки соседей, она при каждой новой беременности была охвачена чувством неуверенности, что, так или иначе, отражалось на психологическом здоровье женщины. По еврейским представлениям, оставивший после себя сына более, чем бездетный и даже имевший только дочерей, имел право рассчитывать на место в раю, поскольку именно сыну полагалось читать по нему поминальную молитву – «*калиш*».

По традиционным представлениям всех народов без исключения, бесплодие женщин рассматривали двояко: и как болезнь, имевшую в своей основе патологические нарушения организма (в результате тяжелого физического труда, вследствие простудных и целого ряда других заболеваний), и как результат воздействия враждебных человеку сверхъестественных, ударом «нечистых сил» («*садан*»). «Боролись» с ними с помощью различных обрядов, имевших в своей основе магический характер.

Возможно, по этой причине уже в свадебный и предсвадебный обряд включались всевозможные апотропейные и продуцирующие обряды и действия: осыпание невесты («*Гаьрус*») мукой, рисом, ячменем, орехами и другими «семенами земли», обозначающими множественность, во время водворения ее в дом жениха, обычай сажать на колени невесты в доме жениха мальчика (в соответствии с магией подобия). В частности, в г. Дербенте по старинному обычаю жених («*думор*») должен был стать на верхнюю ступеньку лестницы своего дома и бросить к ногам невесты рис, сладости и мелкие монеты.

У горских евреев, как и у многих народов Южного Дагестана, в составе свадебной пищи со стороны невесты, отправляемой с ней вместе в дом жениха, обязательно были

вареные куры, вареные яйца – атрибуты обрядов, так или иначе связанных с плодородием [4, с. 165-173].

Все эти обряды, действия магическим путем должны были способствовать рождению детей в молодой семье. Возможно, к XIX – нач. XX в. первоначальный смысл магических действий, направленных на то, чтобы у новобрачной были дети, был утрачен, но они продолжали сохраняться по традиции в качестве увеселительных, развлекательных моментов свадьбы.

Широко у народов Южного Дагестана, в том числе горских евреев, представлены магические пережитки в комплексе обрядовых практик, связанных с периодом беременности. Они направлены в основном на охрану здоровья женщины и ее плода. Круг запретов, оберегов, магических действий в большинстве своем были основаны на приемах подражательной магии.

Как считается, многочисленные предписания беременной женщине связаны были с распространенным убеждением в том, что душа ребенка зарождается еще в утробе матери и от поведения беременной зависит, какие особенности его душа приобретет. Возможно, по этой причине принято было определять заранее время благоприятного зачатия (чаще всего после очистительных недель – «нидда») и к этой дате приурочивать день свадьбы. Самым верным средством оберега беременной и плода от действия злых сил было по возможности долгое сохранение в тайне самого факта беременности и предполагаемого срока родов. Возможно, этим объясняется то, что каким бы радостным ни было предстоящее событие (рождение ребенка), женщина сообщала о беременности мужу, свекрови, только тогда, когда скрыть этот факт было просто невозможно.

Беременная пыталась по каким-то признакам заранее определить пол будущего ребенка. Существовали определенные приметы: если живот округлый – ожидали девочку («духтер»); если живот выпуклый и беременная легка в движениях – мальчика («кук»). Кроме того, считалось, что если беременная «подурнела», появились пигментные пятна на лице, отекли губы и ноги, то родится дочь, т.к. она крадет половину красоты матери. Изжога, особенно во второй половине беременности, была приметой рождения девочки, т.к. считали, что изжога бывает тогда, когда у ребенка на голове растут длинные волосы. С этой же целью следили за содержанием снов беременной и ближайших родственников, и чем ближе был срок родов – тем пристальнее. Иногда беременная пыталась при помощи магических средств повлиять на пол будущего ребенка, в частности, она каждую субботу начинала с произнесения имени, которым собиралась назвать своего сына. Как удалось установить, подобное поверье характерно не только для горских евреев Дагестана [36]. Как и у других народов Дагестана [9, с. 273], трудовой режим беременной женщины у горской еврейки

изменялся незначительно, она по-прежнему принимала участие в хозяйственной деятельности семьи, считалось, что это даже полезно, и освобождалась только от больших физических нагрузок. Но морально-психологическая атмосфера вокруг беременной менялась кардинально. Система защитных средств и запретов, передаваемых из поколения в поколение, в которых рациональный опыт осмыслялся, как правило, фантастически, а связь предметов и действий с предполагаемой опасностью часто была уже логически необъяснимой. Для благополучия самой беременной предписаний и запретов намного меньше, чем связанных с судьбой будущего ребенка. Почти у всех народов, в том числе и у народов Дагестана, соответственно, и у горских евреев, существовали определенные запреты и ряд действий, возникшие от разных поверий и представлений о возможности порчи ребенка в утробе матери [23, с. 49; 9, с. 237; 30, с. 67; 32, с. 169]. Порча могла быть самого разного характера – это могло быть как физическое уродство ребенка, так и проявление нежелательных черт характера. В связи с этим существовал запрет смотреть на уродливых людей, на некоторых животных, как заяц, во избежание «заячьей губы», волк – «волчьей пасти», лягушка (ребенок рождается с большим ртом или пучеглазым); змея (якобы ребенок все время будет срыгивать) и др. Особенно нужно было оберегать беременную от испуга, при взгляде на этих животных. Считалось, что своим поведением во время беременности мать могла влиять на судьбу и характер ребенка: нельзя было пристально смотреть на что-то (ребенок родится косоглазым и угрюмым); нельзя сидеть в углу комнаты или на углу столика (будет иметь плохой характер); нельзя было воду выливать через порог (ребенок будет часто мочиться в постель); нельзя вязать (пуповина обмотается вокруг шеи); нельзя шить (будет худым как игла) и т.д.

Ряд запретов и рекомендаций был связан с нравственным здоровьем будущей матери: если она что-то возьмет тайно, то младенец вырастает вором, излишняя бережливость сделает ребенка жадным; её неряшливость – приведет к тому, что ребенок тоже станет таким, будет всегда с хроническим насморком, вшивым. С другой стороны, если мать хотела приобрести для ребенка какие-то качества, особенно внешние, она старалась смотреть на красивых (по её представлению) людей, приятные глазу вещи; смотреть на полную луну, солнце. Напомним, что эталоном красоты в исследуемое время считалась «луноподобная», «солнцеликая». В своих представлениях о красоте, горские евреи, как и весь Восток, воспевали красоту, применяя эти эпитеты [14]. Следует отметить, что практически для всех народов не только Дагестана, но и Северного Кавказа была характерна сакрализация «солнца» и «луны», что отложилось не только в представлениях о красоте [29, с. 44-45]. Кроме того, беременная умывалась снегом, молоком, мечтая о том, чтобы ребенок, особенно если это будет дочь, родилась белокожей. Думается, что в этих магических действиях

присутствовали и рациональные моменты: хорошее настроение и душевный покой беременной положительно сказывались на физическом и психологическом состоянии вынашиваемого младенца. Помимо того, что во время беременности женщина часто отказывалась от использования каких-то, только ею определяемых в силу некоторых физиологических причин, продуктов питания, существовали и определенные пищевые рекомендации. Так, нежелательно было по поверью употреблять в пищу буйволиное молоко (женщина долго не разродится); козлятину (ребенок дурно будет пахнуть); незрелые фрукты (будут преждевременные роды) и т.д.

Горским евреям вообще было свойственно придерживаться широко распространенных в далеком прошлом практически у всех народов Южного и Северного Кавказа [32, с. 168; 30, с. 67; 9, с. 237] представлений, что многие добродетели или пороки можно приобрести посредством употребления именно мясной пищи, даже если она кошерная.

Женщина в период беременности считалась сильно подверженной влиянию всевозможных вредоносных сил, духов, обычного людского дурного глаза, поэтому она никогда не выходила в темное время суток (время когда, якобы всякая нечисть приходит в движение) из дома без сопровождения, при этом всегда держала при себе кусок хлеба.

Беременной, особенно в последние месяцы, нельзя было ходить на похороны и на кладбище, считалось, что к ней «пристанет» дух умершего. Если все-таки беременная женщина вынуждена была участвовать в похоронно-поминальных мероприятиях, она должна была с собой иметь кусок хлеба, серы (или коробок спичек), маленький ножик или что-нибудь металлическое (например, английскую булавку, прикрепленную с левой стороны застежкой вниз). По возвращении с похорон или поминок беременная должна была самым тщательным образом помыться.

Сроки беременности и родов определяли по лунному календарю, считалось, что мальчики рождаются на I – 2 недели позже, чем девочки.

По традиционным представлениям горских евреев девятимесячный цикл беременности условно делился на trimestры, при которых плод в течение первых трех месяцев беременности находится в нижней части матки, во время следующих трех – в средней и последние три – в верхней, а перед самыми родами (как правило, максимум за неделю) резко опускается вниз. Этот момент визуально можно было проследить, поэтому роженице, особенно, рожаящей впервые, предписан был строгий домашний режим, под пристальным вниманием домочадцев.

В последние три месяца перед родами беременная женщина должна была опасаться также мифического существа «Вечехур» («Съедающий птенца», «Съедающий детеныша»), которое по народным представлениям было способно похитить ребенка из утробы, во время

сна. Образ демонической женщины, способной похитить ребенка из утробы, вообще способной нанести вред роженице, известен и у других народов Дагестана [15, с. 145-155; 7, с. 325; 9, с. 275; 18, с. 104-105; 20] под названием Абсаллы, Албасты, Суткъатын, Аюли, Хал, Алпаб, Будаллаба и др. Известно, что в Германии, Польше и других странах Европы беременные еврейские женщины носили с собой бумажные амулеты, с изображением «звезды Давида» и написанными на них магическими формулами, предназначенными для внутриутробной охраны ребенка от сглаза и злых духов, особенно ночного духа женского пола – *Лилит*, которая вредит роженицам и младенцам, наводит на них порчу, похищает новорожденных, пьет их кровь и высасывает их мозг [13].

В целях защиты от «*Вечехур*» рекомендовалось беременным женщинам оставлять на подоконнике кусок хлеба на ночь и, по возможности, не оставаться дома одним. Помимо этого, рекомендовали беременной, особенно в третьем триместре, с собой носить головку чеснока. Чеснок издревле во многих архаических культурах считался хорошим апотропейным средством-оберегом против различной нечистой силы. Именно с этими целями его применяли и в еврейской народной традиции.

Как видно из вышесказанного, существовал страх, что «подобное происходит от подобного» [34, с. 20], и, соответственно, в рекомендациях и запретах беременной в основе лежала имитативная и предохранительная магия, направленная на то, чтобы обеспечить благополучный исход беременности.

Рациональные и иррациональные запреты передавались из поколения в поколение и настолько переплелись друг с другом, что трудно определить их первоначальное значение, но многие запреты и предписания не были лишены рационального смысла. Явления эти носят универсальный характер. Аналогичные параллели можно встретить и у других, весьма далеких от горских евреев Дагестана, народов [27].

В отношении беременной женщины существовали определенные правила и для окружающих: относились к ней подчеркнуто вежливо, в общественном месте предлагали удобное, теплое место, как бы подчеркивая, что она находится в «неудобном» положении. В отличие от некоторых народов, которые считали беременную женщину «нечистой» [12, с. 69; 16, с. 106], в том числе и на Кавказе [33, с. 189], горские евреи Дагестана наоборот, считали ее «безгрешной» и боялись ее чем-нибудь обидеть. Было представление, что беременная находится в особой симпатической связи с людьми, с деревьями и домашними животными. Считали, что беременная женщина как носительница плодородия может им передать свою благотворную силу. Так, считали, что если впервые беременная женщина (первородка) съест первый плод от дерева, первый раз плодоносящего, то дерево каждый год будет приносить хороший урожай, а у женщины будет много детей.

В этот период близкие старались выполнять её прихоти, связанные с пищевыми потребностями. Диктовалось это не столько потребностью рационального питания, сколько боязнью повредить внешности ребенка, т.к. у ребенка якобы могли оказаться родимые пятна, повторяющие цвет и форму ягод, фруктов и других продуктов питания, которые хотела попробовать беременная женщина, но не смогла это сделать. По этой же причине при беременной неприличным считалось говорить о кулинарных изысках или несезонных фруктах, продуктах, которыми в данный момент не могли её угостить, считали, что нельзя вызывать желание.

В целом же женщина заботу о будущем ребенка начинала проявлять буквально с того момента, как только она узнавала, что беременна. Народные представления считали, что на развитие плода и рождение полноценного ребенка влияют не только поведение беременной, образ ее жизни, привычки, но в большей степени целый комплекс запретов, а также защитных мер, своего рода оберегов, которые регламентировали жизнь женщины, беззащитной как предполагается, перед множеством опасностей и злых сил. Эти неписанные правила пришли из глубин веков и вобрали в себя как рациональный опыт многих поколений, так и иррациональные, бесполезные предписания, которые, однако, выполнялись неукоснительно, причем во всех слоях населения, как богатыми, так и бедными. Слишком большим таинством был факт появления нового человека.

Беременная, речь идет о первородке, сама приданое для ребенка не готовила. Это за неё делала ее мать, если нет матери – тетя по матери («*хале*») или родная старшая сестра («*хагъар*»). Первым делом будущая бабушка («*кедеде*») приобретала люльку («*гуфорэ*») которую изготавливали специальные мастера и продавали на базарах и шила сама или заказывала детские постельные принадлежности: матрасик («*халов*»), который набивали сеном или шерстью; две сужавшиеся к концам широкие плотные ленты с завязками на концах; маленькая мягкая подушка для коленей и плоская подушка под голову и т.д. Все эти предметы старались шить из нарядных тканей (атласа, бархата, плюща), украшали вышивкой, но нижнюю подкладку обязательно делали хлопчатобумажной.

Как только у роженицы начинались схватки, в дом звали повитуху («*мому*»), которые, как правило, имелись в каждом селе, однако бывало, что более опытных повитух и из соседних сел, и из города приглашали, как например, знаменитую в XIX в. Сара – Лие из г. Дербент.

На родах в помещении вместе с повитухой оставались еще 1–2 помощницы, остальные женщины (соседки, родственницы) ждали вестей вне этого помещения. Никого специально, как у некоторых народов Кавказа [31, с. 171], никто не приглашал, но те, кто приходил, считали это проявлением солидарности. Уверенность в том, что роженицу в этот период

могут легко «сглазить» не только чужие, но и родственники, особенно незамужние девушки, бездетные женщины, заставляла соблюдать требование «чем меньше людей знает о родах, тем легче и быстрее они пройдут». Тем не менее, почти все соседки, родственницы считали своим долгом придти к роженице, причем каждый приносил с собой некоторое количество продуктов, большую часть из которых после родов, как правило, отдавали повитухе. Помещение, где должны были проходить роды, снабжали металлическими оберегами, у порога клали топоры, серпы, обнаженные кинжалы [9, с. 274]. На дверь или дверной проем помещения, в котором должны были проходить роды, вешали, сложенный вдвое или перекинутый через дверь, большой отрез белой материи (бязи, полотна), которую должна была заранее приготовить свекровь («зехуьсур»). Затем эту ткань дарили повитухе. Считалось, что присутствие белого цвета во время родов, отгоняет всякую вредоносную, злобную силу. Сама роженица также должна была надеть на себя золотые украшения («овунгез»). Вера в оберегающее действие металлических предметов, наиболее устойчивая и распространенная у всех народов Дагестана [6, с. 152]. И, естественно, в комнате, в которой женщина рожала (а рожала она, как правило, на полу на соломе, или, опираясь на веревочные качели, подвязанные к потолку) как оберег от нечистой силы и как просьбу к Высшим силам о защите роженицы и ребенка держали Тору, а также кусок козлиной кожи, на которой по поверью была изображена «рука Моисея» («Миширавину»). Помимо этого, для облегчения трудных родов, как и у других народов Дагестана, в доме распахивали все двери, открывали замки и сундуки, развязывали узлы и платки, расстегивали пуговицы на одежде не только роженицы, но и всех присутствующих. Для облегчения родовых мук, при сильных и затяжных схватках, роженице давали выпить взвесь из воды и земли, принесенной родственницей, с могилы какого-то конкретного, известного при жизни благими делами, покойника. Если роды были очень трудными, к спине роженицы прикладывали свиток Торы, а родственницы молились, читая «шма» – стихи, которые трактуются как декларация верности единственному Богу: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть». У И.Ш. Анисимова есть сведения, что иногда муж для «помощи» роженице приглашал учеников раввина, часть из которых трубила в трубы, употребляемые евреями в Судный день и на Новый год при общественной молитве, а другая часть – читала громко псалмы. Все молились и просили: «Единый боже! Дай ей радостно разрешиться!» [2, с. 113]. Иногда для облегчения родов женщине обвязывали шею рубашкой или поясом мужа. Надо сказать, использование мужских предметов для облегчения родов было и у других народов Дагестана повсеместным явлением [19, с. 48].

При помощи иррациональных и довольно рациональных (даже с современной точки зрения), эмпирически выверенных приемов родовспоможения горские евреи Дагестана,

вобрав в себя весь положительный опыт других народов Дагестана, создали довольно интересный комплекс дородовых обрядовых практик, который, к сожалению, не всегда был способен оградить от смерти, как новорожденных, от всевозможных механических травм, так и женщин от так называемой «родовой лихорадки». Смертность была довольно высокой. Оправдывали это «волей Яхве» или «сглазом». Как бы это не было негуманно, для горских евреев Дагестана, в отличие от евреев других стран, которые считали, «если голова или большая часть туловища младенца уже появились на свет, младенец считается самостоятельной личностью», он уже прошел родовой канал, он жизнеспособен, и спасти нужно не мать, а ребенка [38, с. 129-131], предпочтительнее была смерть младенца, нежели роженицы, поэтому чаще спасали, если была дилемма, именно роженицу.

В еврейской традиции отсутствовал обычай праздновать факт рождения ребенка. Только когда рождался мальчик, произносили специальное благословение. А отец ребенка дарил «мому» подарок за радостную весть о рождении сына. Есть сведения, что в библейскую эпоху у евреев была распространена практика сажать в честь рождения ребенка дерево: кедр в честь мальчика, кипарис или сосну в честь девочки, поскольку существовала вера в симпатическую связь между жизнью ребенка и деревом.

Послеродовой период, который считался очень ответственным для здоровья матери и ребенка, не менее был насыщен всевозможными обрядовыми практиками и магическими ритуалами. По представлениям горских евреев Дагестана, ребенку после рождения особенно следовало опасаться воздействия мифической болезни 40-ка – «чу(ю)лле», характеризовавшейся беспричинным внезапным ухудшением состояния ребенка, и требовала проведения различных магических ритуалов. В частности, было принято, сразу после рождения сына, посылать мальчика родственника, чтобы он прибил над окном, дверью и на стены комнаты бумажки с различными именами ангелов-хранителей и выдержек из Торы. Называть в качестве причины воздействия «чилла» («чулле», «чилле») при внезапной болезни ребенка и роженицы было весьма распространено и у других народов Южного Дагестана [25, с. 171].

Обрядовыми действиями сопровождалась в обязательном порядке все действия, начиная от купания роженицы и младенца до имянаречения и укладывания в люльку. По народным представлениям, после рождения сына женщина считалась нечистой семь дней, но еще тридцать три дня (т.е. в целом 40 дней) ей нельзя было идти в синагогу читать специальное благословение. Интересно, что период ритуальной нечистоты после рождения девочки удваивался, а идти в синагогу можно было только через 60 дней.

Помещение, в котором лежали мать с ребенком, содержали в чистоте и тепле. Разрешалось огонь разжигать даже в Субботу. Роженица купалась на седьмой день перед

церемонией «обрезания» («*мило*»). Ночь накануне древнейшего и обязательного обряда обрезания для ребенка считалась самой опасной, поскольку после этого власть злых духов способных навредить мальчику якобы ослабевала или исчезала, в силу чего вся вредоносная нечисть пыталась успеть нанести последний «удар» по ребенку и была очень агрессивна. Чтобы уберечь ребенка в эту опасную ночь, зажигали в печи огонь, а летом лучины или свечи, и старались не спать.

После обряда «обрезания» [См. подробно: 22], которое проходило, согласно Торе и Закону Моисея, на восьмой день от рождения (для этого разрешалось нарушить даже Субботу, а отложить обряд можно было только при серьезной болезни ребенка), в присутствии десяти взрослых ритуально чистых мужчин, раввина (которые, образовав круг должны были читать молитву) и близких родственников, устраивали праздничное угощение, которое должно было обязательно состоять из вина, водки, гусей и кур, при этом каждый по очереди подходил к столу, отламывал кусок хлеба, отрывал кусок курицы или гуся, запивал съеденное рюмкой водки или стаканом вина и уходил, предварительно одарив ребенка небольшим подарком. В некоторых состоятельных семьях этот праздник, называемый «обед обрезания», отмечали не менее пышно, чем свадьбу. Вот как описывает обряд «обрезания» у кавказских горцев-евреев И.Ш. Анисимов: «Церемония обрезания происходит большей частью в синагоге и очень редко дома и состоит в следующем: новорожденного приносят на большой подушке в синагогу, где передается он «отцу по обрезанию» (как у русских – крестному), который сидит на кресле, назначенном для обрезания и называемом «кресло Ильи Пророка». На руках этого отца производит рабби свою операцию а настоящий отец произносит в это время известную молитву и дает ребенку имя. Затем наливает в стакан вино, над которым раввин служит молебствие, наливая затем мизинцем новорожденному в рот несколько капель со словами: «да проживешь ты с этой кровью»» [2, с. 13-114]. Замечено, что на колыбели девочки амулетов и оберегов было гораздо больше, поскольку, по народным представлениям, мальчик после обрезания получал своеобразный иммунитет от влияния вредоносных сил.

В послеродовых практиках немаловажное значение придавали и первому купанию ребенка и роженицы. Воду после купания роженицы и ребенка, обязательно в светлое время дня, выливали в чистое место. Считалось, что если вылить эту воду в грязное место (а именно в таких местах по народным представлениям, прячутся «*саданы*» (шайтаны)), они разозлятся и навредят роженице и ребенку («дитя онемееет, а мать умрет»).

К последу («*дула*») было такое же отношение, даже еще более серьезное, некоторые народы послед рассматривали как часть духа ребенка, находящегося в последе, другие рассматривали послед как материальный предмет, в котором пребывал дух покровителя или

часть его души. Подобное представление определяло отношение к последу и различные манипуляции с ним. Послед тайно, чаще всего ночью, закапывали глубоко в землю, в такое место, где его не могли бы достать собаки.

Отпавший пупок («ноф») промывали, подсушивали, заворачивали в чистую тряпочку и впоследствии клали в бязевый мешочек и сохраняли, вешали у ног на перекладине люльки.

Подобное отношение к последу и к пуповине характерно практически всем народам Дагестана [1, с. 103; 18, с. 107], Кавказа [31, с. 173; 33, с. 189] и народам Европы. [12, с. 75; 16, с. 107; 5, с. 28; 28, с. 42]. Всем народам была характерна вера с симпатическую связь частей человеческого тела, его органов в единое целое, и, как отмечал Д.Фрезер, связь эта не нарушалась, когда та или иная часть тела отделилась от человеческого организма [34, с. 51-52]. Как подобная часть – пуповина по народным понятиям, как бы представляла ребенка, поэтому отпавшую пуповину не бросали куда попало. А в тех случаях, когда у ребенка заболел живот, кусочек от пуповины в измельченном виде заливали теплой, сладкой водичкой и давали ребенку пить.

Основные моменты жизни младенца – наречение имени, укладывание в люльку, первая стрижка волос, ногтей, появление первых зубов, первые шаги, и другие ключевые моменты первых лет жизни ребенка, оформлялись посредством различных обрядовых практик. Особое место в послеродовых практиках горских евреев занимал обряд «выкуп сына». По традиции, на 31-й день от рождения выкуплен должен был быть, каждый мальчик-первенец. Отец относил сына в синагогу и изъявлял желание выкупить сына, за определенное количество монет (в далеком прошлом обязательно за пять серебряных монет). Эти монеты раввин принимал и рукой, в которых они были зажаты, обводил вокруг головы ребенка с молитвой. После благословения ребенка обряд завершался. Считали, что первенец, которого не выкупили, будет по жизни лишен удачи.

Еще одним важным послеродовым действием являлось наречение имени новорожденному, которое, как правило, для мальчиков приурочивали к обряду «мילו», а для наречения имени девочке собирались (иногда относили в синагогу) также до семи дней (желательно в первую Субботу после рождения), т.к. было представление, как и у других народов Дагестана, что по истечении этого времени «нечистая сила» («садан») дает ему свое имя. У девочек этот обряд проходил (за редким исключением) очень скромно, кроме раввина, присутствовали в основном женщины, родственницы, соответственно и угощение было рассчитано на них (сладости, каша «кашиль» с медом, плов – сладкий с изюмом без мяса или из курицы, долма и т.д.). Хотя в еврейской традиции процесс наречения имени не связывали с мистическими представлениями, существовала вера в связь имени с судьбой ребенка, особенно у мальчиков до обрезания, поэтому до его оглашения предполагаемое имя

скрывали. В семьях, в которых дети часто умирали, давали двойные имена (одно для повседневной жизни, другое – законное, которое использовалось при заключении брака, поминании, заносилось в документы и т.д.).

Следующим необходимым послеродовым действием считалось укладывание ребенка в люльку («*суфорэ*»). Укладывали в люльку новорожденную девочку сразу после наречения имени, а мальчика, как только заживет ранка после обрезания, обычно через две недели.

Обычно первое укладывание девочки в люльку предпочитали совершать до Субботы (Шаббата), ближе к полудню, а мальчика после обрезания (при этом его заворачивали в пеленки, которые были при нем во время этого обряда). Большое значение придавалось тому, кто впервые укладывал ребенка, т.к. считалось, что таланты и способности этого человека передаются ребенку. Приглашали для этого какую-нибудь многодетную мать, у которой были здоровые дети, или свекровь укладывала, если считала, что у нее жизнь достаточно удалась. Для гостей, обычно женщин и детей, т.к. именно они принимали участие в этом обряде, готовили хорошее угощение, обязательно со сладостями и сезонными фруктами.

Перед укладыванием ребенка в люльку совершали обряд символического укладывания, по всем правилам, чего-нибудь или кого-нибудь другого. У многих дагестанских народов, перед тем как уложить ребенка в люльку клали веник, железные щипцы для огня; чаще всего укладывали кошку (любит спать) [9, с. 278] или камень, чтобы ребенок вырос крепким [35, с. 75], т.е. использовался магический прием: подобное вызывается подобным (кошка любит поспать – ребенок будет спать; камень крепкий – ребенок будет крепким и т.д.). В частности, у евреев Западной Европы, существует и несколько иное объяснение: в колыбели качали живого петуха (в случае с девочкой – курицу) или собаку (кошку), чтобы беды и болезни перешли на них и не коснулись ребенка, т.е. совершали магический обряд «перенесения» несчастий на другой объект» [21, с. 500]. То, что символизировало ребенка, укладывали в люльку буквально на несколько минут, качали, а затем снимали.

Ребенка, предварительно искупанного, смазанного жиром, трижды обводили вокруг люльки и укладывали, с различными благопожеланиями. Приблизительно такого характера: «Пусть люлька станет сладкой, поможет быстро вырасти и быть всегда здоровой (-ым)».

Как и у других народов Дагестана, у горских евреев качать пустую люльку не разрешалось, считали, что у ребенка будет болеть живот. Под подушкой у ребенка держали Тору, чеснок, и ножницы, а также «*Мишаравину*», чтобы ребенок не боялся дурных снов и всяких козней нечистой силы, которые якобы, в силу слабости новорожденного, особенно активизировали свою деятельность. Использование металлических предметов в качестве оберега ребенка во время сна повсеместно известное явление [34, с. 257].

Большое значение придавалось в послеродовых действиях первой стрижке ребенка, который устраивали по достижении ребенком одного года. Информаторы говорили, что положено было стричь ребенка не раньше чем через три года, но под влиянием обрядов других народов Дагестана, которые приурочивали стрижку «утробных тяжелых волос» к 40 дням, время проведения обряда сократилось.

На голове долгожданного первенца положено было оставлять нетронутым прядь волос («кекюл») на макушке. Не стригли его и при последующих случаях бритья головы ребенка, до семилетнего возраста. Когда прядь отрезали, ребенка одевали во все новое и устраивали праздник – «сугдо» с большим угощением и приглашением родных и близких. О подобном же обычае ногайцев, восходящем к древней традиции кочевников носить косы, сообщает С. Ш. Гаджиева [8, с. 115]. Некоторые исследователи, в частности Ю.Ю. Карпов отмечает, что семилетнему возрасту многие народы, и не только Кавказа, традиционно придавали особое значение, его достижение считали социомаркирующим и сопровождали различными обрядовыми практиками [11, с. 15].

Дальнейшие обрядовые практики и представления были связаны физическим развитием ребенка.

Считали, что зубы у обычного ребенка должны появиться к 6–7 месяцам. Чтобы у ребенка были здоровые, крепкие зубы, предпринимались определенные магические действия. Приглашали родственницу с красивыми зубами, чтобы она поискала, проверила, прорезался зуб или нет. Боялись, что первый зуб случайно может обнаружить человек с плохими зубами. Мать сама ни в коем случае у ребенка зубы не должна была искать. Когда у ребенка появлялся первый зуб, готовили зерно-бобовую кашу «гендумадуш», состоявшую из пшеничного зерна, фасоли, чечевицы, сваренных на бульоне из говяжьих конечностей, которую раздавали соседям и родственникам. Полагалось оделить этим угощением нечетное количество домов. Считалось, что эти действия облегчали выход остальных зубов. Подобные представления и обычай известны многим народам Дагестана и Кавказа [9, с. 283; 30, с. 72; 17, с. 40; 32, с. 50].

Это же блюдо «гендумадуш» раздавали соседям и родственникам, при первых шагах ребенка. Бытовало представление, что ребенок, который впервые самостоятельно встал на ноги, видит перед собой огненный круг, который исчезнет после этого обряда. Чтобы ребенок делал более уверенные шаги, на место, где он сделал первый шаг или самостоятельно встал, лили воду и протыкали трижды ножом. Существовало поверье, что земля после этих манипуляций перестанет его тянуть к себе и он перестанет спотыкаться и падать.

Этим завершался цикл обрядовых практик, связанных с беременностью, рождением и ранним периодом жизни ребенка.

Возможно, что развивавшаяся веками, традиционная обрядовая культура горских евреев Дагестана, которую нам удастся зафиксировать в настоящее время, весьма далека от первоначального варианта, естественно, что смысл старых суеверий и магических ритуалов и представлений постепенно утрачен под влиянием религиозных воззрений и сформировались довольно сложные синкретические системы, а наши реконструкции не всегда верны и отражают правильно суть, но они, безусловно, интересны, и, что самое важное, им присуща типологическая общность. Основные обрядовые практики, элементы ритуалов и обычаев повторяются, и невозможно не заметить очевидную культурную идентичность исследуемых нами обрядов и обычаев не только у рассматриваемого народа, но и других народов Дагестана и даже Кавказа в целом.

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ (№13-01-00079).

Список литературы

1. Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1992. – 264 с.
2. Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы. – М.: Наука, 2002. – 191 с.
3. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX - начале XX века. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. – 266 с.
4. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. – Л.: Наука, 1988. – 199 с.
5. Васильева Е.И., Хайдари Дж. К вопросу о социализации курдских детей // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии / отв. ред.: И. С. Кон. – М.: Наука, 1983. – С. 23-36.
6. Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. – 184 с.
7. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 387 с.
8. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1976. – 226 с.
9. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 359 с.

10. Горские евреи: История, этнография, культура / Перевод с иврита / Составитель и научный редактор В. Дымшиц; вступительная статья М. Членова; под общей редакцией И. Бегуна. – Иерусалим-Москва, 1999. – 464 с.
11. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб., 1996. – 311 с.
12. Кашуба М.С, Мартынова М.Ю. Югославянские народы // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. – М.: Наука, 1997. – С. 59-97.
13. Лилит // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13491#top> (дата обращения: 22.05.2014).
14. Любовная лирика классических поэтов Востока. – М.: Правда, 1988. – 512 с.
15. Мамедов А. Алпаб (лезгинское поверье) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1892. – Вып. 13. – С. 145-155.
16. Маркова Л.В. Болгары // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Отв. ред. Грацианская Н.Н., Кожановский А.Н. – М.: Наука, 1997. – С. 98-125.
17. Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов (XIX – начало XX века). – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 170 с.
18. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1995. – 251 с.
19. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 240 с.
20. Мусаева М.К., Косоева З.М. Традиционные обрядовые практики детского цикла народов Дагестана: «враги» рожениц // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13571> (дата обращения: 18.06.2014).
21. Носенко Е.Э. Евреи // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. – М.: Наука, 1997. – С. 484-502.
22. Обрезание // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13491#top> (дата обращения: 22.05.2014).
23. Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. I. – С. 13-64.
24. Религия еврейская // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13491#top> (дата обращения: 22.05.2014).
25. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. – 313 с.
26. Роды // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13491#top> (дата обращения: 22.05.2014).

27. Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. – М.: Наука, 1997. – 516 с.
28. Серебрякова М.Н. Традиционные институты социализации детей у сельских турок // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. – М.: Наука, 1983. – С. 37-67.
29. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификация). – М., 2009. – 460 с.
30. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – 265 с.
31. Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. – Вып. 8. – М.: Наука, 1984. – С.167-185.
32. Соловьева Л.Т. Грузия. Этнография Детства. – М.: Типография российской библиотеки, 1995. – 130 с.
33. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 397 с.
34. Фрезер Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Перевод М.К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.
35. Чурсин Г.Ф. Авары: этнографический очерк. 1928 г. – Махачкала, 1995. – 92 с.
36. Davis Eli. Birth: Oriental Customs // Encyclopedia Judaica. – Jerusalem, 1973. – Т. 4. – Col. 1052.
37. Epstein L.M. Sex Laws and Customs of a Judaism. – New York: Ktav Publishing House, 1967. – 160 p.
38. The Encyclopedia of Judaism / Wigoder, Geoffrey, ed. – New York-London: MacMillan Publishing Company, 1989. 768 p.

Рецензенты:

Рамазанова З.Б., д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.

Магомедханов М.М., д.и.н., зав. Отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.